

ЦЕЛИТЕЛЬ

Ирина Чутчева

Ирина Чутчева

Целитель

«Издательские решения»

Чутчева И.

Целитель / И. Чутчева — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-506589-6

Пришло время раскрыть людям тайны неявного мира: негативом научились управлять многие, и это злое воздействие способно разрушить жизнь любого человека. Автор показывает, как легко можно стать жертвой чужого влияния, рассказывает о чудесных явлениях, происходивших в её жизни, и о том, как можно оградиться от зла и выйти на новый уровень развития. Современный мир готовит человека к новой жизни. И каким будет его путь — счастливым и радостным или лишённым солнечных лучей — решать только ему.

ISBN 978-5-00-506589-6

© Чутчева И.
© Издательские решения

Содержание

Родители	7
Детство	11
Отрочество. Юность	15
Работа в море	20
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Целитель

Ирина Чутчева

Редактор Надежда Вячеславовна Гуреева

Иллюстратор Елена Александровна Прокапович

© Ирина Чутчева, 2019

© Елена Александровна Прокапович, иллюстрации, 2019

ISBN 978-5-0050-6589-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ИРИНА ЧУТЧЕВА

Выпускница Медицинского училища Москвы №14

Фельдшер—лаборант

Профессиональный массажист

Народный целитель России

Бакалавр народной медицины

Ясновидящая

Космоэнергет

Парапсихолог

Биоэнерготерапевт

Ученица Джуны (и других учителей)

Стаж работы более 30 лет

ОТ АВТОРА

Дорогой читатель! Эту книгу я написала для того, чтобы поделиться с тобой своими воспоминаниями, своими необычными историями из жизни и практики целителя. Я хочу рассказать тебе о своей нелёгкой судьбе, испытаниях, что сопровождали меня с самого детства. Я долго шла к тому, чтобы помогать людям вернуть своё здоровье. Все истории – из моей реальной жизни, в моих рассказах нет места вымыслу.

Я одна из учениц и последовательниц Джуны, и это не единственный человек в ряду моих учителей, который заслуживает почёт и уважение.

Чудеса сопровождают меня на протяжении всей жизни. О них я и хочу рассказать, чтобы ты, дорогой читатель, смог для себя решить, что это – необъяснимые миражи или явления природы?

А, может, нам всем стоит задуматься о себе – кто мы и для чего пришли в этот мир? Какие задачи мы должны выполнить в своей жизни? Почему мы боеем? Отчего происходят катаклизмы в природе? Таких вопросов без ответов очень много.

Великое. Необъятное. Бесконечное. Вечное.

Путь к себе укажи,

Дай мне энергию вечную.

Зло, зло накажи.

Однажды я решила вести дневник и записывать истории своей жизни, которые хранила в памяти долгие годы. Так весенним солнечным днём во время прогулки по парку родилось желание написать книгу. У меня появился шанс поделиться со своими читателями жизненным опытом, на собственном примере показать ошибки, проанализировать их вместе с вами. Только так я могу показать события, берущие начало с первых дней моей жизни, и ту особую взаимосвязь встреч, происшествий и историй, которая мне показалась необычной и особенной.

Родители

Моя мама Нина родилась в 1936 году в большой семье, состоящей из семи детей: трёх братьев и четырёх сестер. Её маму звали Серафима, она родилась в 1901 году также в большой, но бедной семье, а отца – Кузьма. Он был рождён в 1902 году в богатой семье знатного рода.

В те времена неравные браки были редкостью. Как правило, богатых людей сватали семье того же сословия. Серафима и Кузьма встретились, полюбили друг друга, но не получили благословения родителей. Те не хотели, чтобы их сын сочетался браком с бедной девушкой. Их желанием было посватать сына богатым людям и обвенчать его с равней. Так бы и сделали, если не соседи. Однажды они сказали:

– Серафима, ты что сидишь! Твой Кузьма сегодня венчается! – Серафима кинулась бежать в соседнюю деревню за 10 километров в храм, где должна была состояться церемония. Открыв ворота храма, Серафима остановилась как вкопанная – обряд подходил к концу, молодым осталось только обменяться кольцами. Вдруг Кузьма увидел любимую, он бросил кольцо и направился к воротам, где стояла Серафима, взял её за руку, и они вместе сбежали. Кузьма ослушался родителей и ушёл прямо из—под венца, нарушив заветы церемонии венчания.

Все родные: мать, отец и братья – отказались от него, выгнав из семьи, не дав ни копейки денег. Кузьма променял родительский дом и благополучие на любимую Серафиму, с которой они жили бедно, но наслаждаясь друг другом, в заботе и внимании друг к другу, в счастье.

Вскоре Серафима родила первенца – сына, следом родилась дочь. Семья жила скромно, без излишеств, однако на жизнь денег хватало. Серафима была отличной хозяйкой. Всем премудростям она научилась в доме богатой купчихи, где жила с детского возраста. Она и шила, и вязала, и вкусно готовила, умела делать заготовки на зиму: солила грибы и огурцы, делала маринады и варенье. Хозяйка пекла пироги и хлеб, и всё в её руках ладилось.

Кузьму же с раннего детства обучали разным ремёслам: портному, скорняжному мастерству, шитью обуви и ещё много чему. Он получил хорошее образование, и многое знал о домоводстве, знал даже о селекции растений. Поэтому до войны Кузьма был председателем сельсовета в колхозе, где снискал уважение односельчан. Ему удалось вывести хозяйство на высокий уровень и по части земледелия, и в сфере животноводства, – все местные считали его хорошим хозяином.

В 1941 году началась война, Серафима родила седьмую дочку. Поскольку Кузьма был партийным коммунистом, он сам попросился на фронт. Его сразу же забрали в батальон, отправив на передовую. Повоевать на фронте удалось всего несколько месяцев, затем немцы окружили отряд и всех взяли в плен. Так Кузьма попал в концлагерь. Узника не покидали мысли о семье, о том, как вернуться домой, и что сейчас с любимой женой, которая осталась одна с маленькими детьми. Каждый день, проведённый в концлагере, казался ему вечностью. Он жил в постоянном страхе, – ежедневно пленных забирали из казармы, и уже не возвращали назад.

Немцы связывали русских и конвоем вели на работы, а когда делали остановку на обед, пленные смотрели, как едят немцы, и у них от голода кружилась голова. Все заключённые были истощены, часто люди падали и умирали. Немцы же жестоко издевались: кидали объедки в толпу и расстреливали тех, кто бросался поднимать куски. Фашисты смеялись над тем, как русские падают от пуль и умирают.

Тела не предавали земле, мёртвых не хоронили, как положено, а бросали прямо так и шли дальше. Кузьма вспоминает, что кормили их баландой – похлёбкой на воде с луком, морковью и лебедой или какой ещё травой. Лишь иногда попадалась крупа.

Сбежать из концлагеря пытались многие. В основном попытки бегства предпринимали, когда пленных вели на работы. Кузьма тоже несколько раз пытался убежать, не боясь, что могут

поймать и убить. Такая смерть, наверное, казалась более лёгкой, чем сожжение в кунсткамерах. Беглецов немцы ловили, окружали с собаками и возвращали в лагерь. Так было до тех пор, пока не издали приказ: «каждого третьего расстреливать».

После последней попытки сбежать, когда Кузьма чудом остался жив, расстреляли тех, кто не пытался покинуть лагерь. Тогда деду было настолько страшно и стыдно, что он поседел от переживаний. С тех пор никто больше не пытался бежать, никто не хотел рисковать неповинными жизнями.

Не раз Кузьма видел, как немцы отнимали детей у родителей, убивая малышей на глазах их мам и пап. А если убитые горем люди пытались защитить своего ребёнка от насилия, немцы расправлялись и со взрослыми. От такого ужаса ком вставал в горле, кружилась голова, волосы седели.

Однажды дед Кузьма увидел односельчанина в столовой для заключённых, тот был одет в мундир полица. Дед признал его и назвал предателем, за что получил удар по голове стволом оружия. Кузьма упал без сознания, а на голове образовалась огромная шишка, которая осталась на всю жизнь.

Жизнь деда стала немного спокойней, когда однажды немецкий генерал спросил пленных, кто умеет шить сапоги. Кузьма вызвался, и немец увёл его в другой отсек. С того дня страх, что его в любую минуту убьют, стал не столь острым. Других пленных каждый день забирали в баню помыться. Там заключённые раздевались, а надзиратели закрывали их и сжигали. Видя происходящее, Кузьма уже в 40 лет был весь седой. Война закончилась в 1945 году, но пленных отпустили только спустя 2 года, когда объявили амнистию и капитуляцию.

Тем временем Серафима выживала как могла со своими маленькими детьми, работая в поле с утра до вечера. Но брать овощи домой было запрещено, – вся провизия шла на фронт. Поэтому семья питалась очистками от картофеля, которые выбрасывали. Прокормить много детей было тяжело, поэтому часто люди отдавали своих чад в няньки к богатым и более обеспеченным семьям.

В деревне была школа, где учились все сельские ребята. У Серафимы тоже некоторые дети ходили в школу. Ольга Николаевна, школьный учитель, однажды вызвала женщину к себе, предложив ей отдать на содержание и в помощницы одну из дочерей – Нину. Учительнице нравилась хорошая и деловая девочка. Взамен она пообещала обучать её на дому и заботиться о ней, как о собственном ребёнке.

Серафима согласилась, полагая, что дочери будет лучше. На тот момент у Ольги Николаевны был грудной ребёнок, и она не успевала работать, проверять тетради и вести хозяйство. Муж её работал лесником, поэтому семья жила в достатке. Нину Ольга взяла в качестве няньки для своего младенца.

Сначала учительница неплохо относилась к шестилетней Нине, но работать заставляла много. Часто девочка падала на кровать и засыпала, даже не раздевшись, – так сильно она уставала. Позже Ольга Николаевна стала наказывать Нину за каждую мелочь, она била девочку и явно придиралась. Каждый день стал для Нины испытанием. Еды ей тоже не доставалось, девочка доедала, что останется. А вот муж Ольги Николаевны, Алексей, Нину любил и жалел, постоянно заступался и ругал Ольгу за её деспотизм.

Помощницу часто отправляли в другую деревню за молоком для грудничка. Путь был нелёгкий, нужно было идти за 10 километров через речку и лес. Однажды девочка пошла за молоком вечерней дойки. Корову подоили поздно, уже стемнело, Нина взяла бидон с молоком и стала возвращаться. Вернулась она уже к ночи, стучала—стучала в дверь, но никто так и не открыл.

На дворе в ту пору стояла осень, а Нина всё ещё ходила в сандалиях, лёгком платье—сарафане. Девочка села на крыльцо, поджав колени, чтобы было теплее, и уснула. Утром Алексей первым вышел из дома. Открыв дверь, он с ужасом посмотрел на Нину, – она была бледная,

и зубы её стучали от холода. Он поднял девочку на руки и занёс в дом. Алексей накинулся на жену, мол, нельзя так – ведь она ещё ребёнок! Ольга Николаевна в оправдание лишь ответила, мол, думала, что Нина спит в доме.

Когда Алексей отправился на работу, Ольга сорвалась на девочку, ведь из—за неё влетело ей от мужа. Обессиленная от унижений и побоев, Нина решила сбежать в отчий дом к матери. Пятнадцать километров она прошла, чтобы вернуться в родные места. Мать, увидев на пороге собственную дочь в сандалиях и сарафане холодной осенью, лишь успела поймать её – та упала в объятия, потеряв сознание.

Серафима долго выхаживала свою девочку, которая схватила воспаление лёгких. А Ольга Николаевна спустя неделю пришла к Серафиме с вопросом «Куда пропала Нина». Серафима отругала её и выгнала.

Мать отправила Нину учиться в школу, которая находилась в соседней деревне. По возрасту Нина должна была пойти в третий класс, но выяснилось, что уровень знаний девочки едва тянет на первый. Оказалось, что Ольга Николаевна, хоть и обещала с Ниной делать уроки и проходить программу школы на дому, не занималась с ребёнком вовсе. Это стало известно, когда мать пришла в школу по требованию учительницы. Педагог не могла понять, почему у девочки совсем нет школьных знаний. А между тем над Ниной уже смеялись одноклассники.

Когда учительница узнала историю Нины, она прониклась к новой ученице и стала приглашать её к себе домой после уроков, чтобы подтянуть до нужного уровня. Учительница очень жалела Нину. То накормит, то с собой даст что—то с наставлением «отнеси своим сестрёнкам и братикам». Уже через полгода Нина догнала класс, – девочка была очень смышлёной.

Серафима с детьми жила в Тверской области в деревне Селищи Кимрского района. У неё была родная сестра Полина, та жила в Тверской области в городе Кимры, она была послушницей при Спасо—Преображенском соборе, построенном в 1911 году. Во время войны храм не пострадал и стоит по сей день.

Тётя Поля была послушницей, глубоко верующей христианкой. Она проявляла заботу и любовь делами, помогая людям болящим, нуждающимся, бедным. Батюшка, настоятель храма, доверял тёте Поле и иногда разрешал ей брать большую церковную книгу почитать на денёк, – послушница умела читать на славянском и на латыни. В те дни, когда тётя Поля приносила книгу из храма, все садились вокруг неё – от взрослых до детей – и слушали, а та читала и поясняла, что может значить написанное.

В книге описывались события столетней, а может, и тысячелетней давности, говорилось о сотворении и жизни на Земле, о том, что будет дальше, что ждёт всех нас. Эту книгу нельзя было читать, церковная пропаганда преследовалась. Особо активных верующих иногда даже сажали. А книга была необычная, скорее всего, это была старинная Библия, а не та, которую можно встретить сейчас. Таких изданий на Земле остались единицы, и, конечно же, никто не помнит её названия, потому что все слушатели были детьми.

Зато хорошо запомнилось то, что читала тётя Поля: будет Земля опутана железной паутиной, будут летать железные птицы, по путям железным поползут змеи железные, по морям поплывут острова железные, жуки железные наполнят Землю и будут бегать быстрее коней. Люди сменят дома на муравейники и раскинут над ними шатры ядовитые, от которых многие будут болеть и умирать. Перед концом наступит падение нравов, грибы не будут расти местами, а люди не будут жить семьями. Не будут знать родства никакого. Дети будут рождаться умнее родителей, и они будут антихристы. Женщины будут ходить в мужской одежде, пить вино, ругаться. Человек полетит на Луну, Земля будет гореть.

Людям не нужно будет золота, они будут искать чистую воду. И наступит такое время, что мать будет жить с сыном, брат пойдёт на брата (будет убивать), вороны будут клевать людей заживо, потому что те будут не успевать умирать. Сам Сатана спустится на Землю. Мёртвое

заговорит: то, что никогда не говорило прежде, будет изрекать много лжи голосами человеческими, и услышат это от края Земли и до края Земли. Многие преклонят ухо к голосам тем...

В книге было много всего. Скорее всего, это предсказания пророков, слова эти, как видно, сбываются. Было в книге и такое: люди будут говорить друг с другом по нитям тонким, будут великие войны, где появятся железные слоны с хоботами, несущими смерть, а по небу будут летать железные птицы, роняя яйца смерти. Женщины будут вынашивать в своих утробах чужих детей, и, рассмотрев кусочки кожи, люди будут определять, – кто чей отец и мать. Перед концом света первой исчезнет пчела, потому что цветы не будут иметь запаха. А ведь сейчас действительно цветы перестали пахнуть, а пчёлы умирают семьями.

Говорилось в книге, что леса будут сохнуть, а люди умирать. Начнутся войны, потопа, пожары и с неба чудеса всякие. Вот тогда, – гласило пророчество, – ожидай, что скоро всё скажется, люди побегут по Земле. Они не будут праздновать, а будут только работать без воскресений. Встретятся живые и мёртвые, и живые будут мёртвым завидовать, – так рассказывала мне мама по памяти.

В 1947 году, после окончания войны, дед Кузьма вернулся с фронта из концлагеря к своей семье. Не передать, сколько восторга и радости было у детей. Все они окружили отца и долго обнимали и целовали. Некоторые ребяташки подросли и вовсе не узнали папу, – они были совсем маленькие, когда он ушёл на войну. Семья воссоединилась и стала жить и поднимать хозяйство. Вечерами дети просили отца рассказать, как было на фронте, а потом в концлагере. Все садились вокруг рассказчика, и он говорил, не утаивая ужасов войны и лагеря смерти.

Детство

Нина, её сестры и братья выросли. Все устраивали свою жизнь, свои судьбы, по очереди разъезжались, покидая родительский дом. В послевоенные годы многие молодые люди уезжали на комсомольские стройки. Нина отправилась в Ростов—на—Дону на работу вместе с другими ребятами. Днём работали, а вечером – устраивали танцы, пели, веселились. Там Нина и встретила свою любовь.

Молодой красивый блондин стал романтично ухаживать за девушкой, его звали Василий. С самого первого дня их знакомства Василий старался удивлять Нину: преподносил ей сюрпризы, одаривал заботой и вниманием, да и любовь между ними была искренняя, взаимная и чистая.

Спустя год Василий с Ниной поженились. Это были мои родители. Ещё через год, в 1958 году 8 марта в Ростовской области в городе Новочеркасске появилась на свет девочка, рождение которой было особенным, потому что совпало с праздником весны и Международным женским днём. Это был день моего рождения. В роддом приехали журналисты, они ждали появления ребёнка в светлый весенний праздник. Первой мамочкой в этот день стала моя мама, поэтому корреспонденты осыпали Нину цветами, поздравляли, интересовались её самочувствием и тем, как прошли роды. Они взяли интервью у роженицы и сфотографировали новорождённую.

А через несколько дней счастливый папа забрал жену с дочкой из роддома в свою маленькую уютную комнату, украшенную цветами и шарами, – так он подготовился ко встрече с любимой женой и дочкой. Он превратил жилище в маленький яркий уголок, где царили счастье и любовь.

Василий назвал дочь Мартой в честь праздника весны – 8 марта. Но мама хотела назвать малышку Ириной и отец в итоге уступил. Я была очень спокойным ребёнком, почти не плакала. Мама говорит, что у меня были голубые глазки, светлые волосики, и я была очень пухленькой. Семья была большая, меня все очень любили, и каждый хотел поиграть.

Шёл второй годик от моего рождения, когда мама впервые вынесла меня на прогулку. Во дворе дома была детская площадка, где гуляли мамочки с детьми: кто—то из малышек сидел в песочнице и делал куличики, а кто—то – качался на качелях. Во дворе всегда было много народа.

Мама посадила меня в песочницу и вдруг засомневалась, – выключила ли она газовую плиту после того, как приготовила обед. Она побежала посмотреть, оставив меня одну, а вернувшись буквально через несколько минут, не нашла меня в песочнице.

Она металась в истерике по всему двору, горько плакала, искала меня, спрашивая у каждого встречного – не видели ли они девочку? Девочку никто не видел. Оказалось, что сосед видел какую—то женщину, которая забрала ребёнка и ушла (он указал на ту сторону, где скрылась незнакомка с малышкой).

Несколько человек вместе с Ниной оббежало окрестности, пытаясь выяснить, – куда пропала девочка. Вдруг им сказали, что в гостинице живёт молодая женщина из Болгарии, в свой номер она прошла с девочкой на руках. Нина с новыми знакомыми ворвалась в номер незнакомки и увидела на кровати свою дочь, заваленную игрушками. Мама схватила меня на руки и пошла домой. С тех пор она ни на минуту не оставляла меня без присмотра.

Маму Василия, моего отца, звали Анна. По происхождению она была украинкой с польскими корнями. Бабушка очень любила свою маленькую внучку, большую часть времени она уделяла мне – играла и гуляла. Зарабатывала Анна тем, что жарила семечки, – они получались у неё очень вкусные, – и продавала стаканчиками. Она сажала меня с собой рядом на подушечку, и, когда я своими маленькими ручками набирала семечки в кулачки и высыпала

на землю, чтобы покормить птичек, баба Анна прощала все шалости. Она не ругала, а улыбалась мило и говорила: «Пусть дитяtko играет».

Василий, мой отец, работал бригадиром на арбузной бахче и развозил арбузы на грузовой машине по магазинам. Он безумно любил меня, – вспоминает мама, рассказывая о моём детстве. Папа каждую минуту хотел быть рядом со мной, он всячески заботился и бесконечно играл, наслаждаясь присутствием маленькой дочки и наблюдая за её развитием. Даже на обед он приезжал для того, чтобы побыть со мной.

Однажды папа, как обычно, приехал в обеденное время на своей бортовой машине. Он поставил её во дворе, а вернувшись к грузовичку, обошёл его вокруг, внимательно осмотрев со всех сторон, потому что во дворе часто играли дети, даже малыши зачастую бегали без присмотра родителей. Отец сел в машину, включил зажигание и тронулся с места. В этот момент до него донёлся душераздирающий крик ребёнка. Папа выскочил из машины и увидел девочку пяти лет, соседскую дочку, которая попала под колесо. Ужас охватил его. Он взял малышку на руки и отвёз в больницу, но девочка не выжила.

Для всех событие стало трагедией. Отец не мог себе простить этого и очень переживал, а чуть позже его осудили и посадили в тюрьму. Мы с мамой почти каждые выходные ездили к папе в тюрьму, чтобы он мог побыть с родными, отвлечься и поиграть со мной. Мама передавала ему одежду, еду, сигареты и то, что разрешали передавать заключённым.

Отбывая срок, папа так и не смог простить себе смерть ребёнка. От сильных переживаний он тяжёло заболел, смертельный диагноз звучал так: «рак». Тяжелобольного отца по состоянию здоровья досрочно отпустили домой. Здоровье же с каждым днём покидало его, вскоре он не мог даже встать с кровати.

Мама работала за двоих, часто бегала на рынок купить то, что просил отец, чтобы сделать ему приятно, но, когда приносила, он уже не хотел это есть. Вскоре он стал совсем отказываться от еды. Тогда мама поняла, что её супруг уже не поправится и покинет этот мир. Она уходила в другую комнату и плакала; она пряталась, чтобы он не видел её слёз и лишний раз не расстраивался.

Мне тогда шёл пятый год. Я приходила к отцу, садилась рядом с ним на кровать, и мы разговаривали. Для него наши беседы были и утешением, и горечью одновременно, потому что он осознавал, что скоро умрёт, и не увидит свою дочь повзрослевшей. По его щекам текли горячие слёзы, а я, не понимая, отчего он плачет, говорила: «Не плачь», – вытирая слёзы с его щёк.

Через полгода отца не стало. Мне исполнилось 5 лет. После его кончины мама решила переехать со мной в Московскую область к родителям и близким ей родственникам. В Ростове её ничего больше не держало.

Мама устроилась на работу в аптеку кассиром, чтобы прокормить себя и меня. Поэтому забота обо мне и воспитание легли на плечи бабушки и дедушки – маминых родителей. Бабушка Серафима была человеком набожным, христианкой, и много рассказывала мне об Иисусе Христе, Пресвятой Богородице, Николае Чудотворце и других Святых Угодниках, и о тех чудесах, которые происходили с людьми в послевоенные годы. Я слушала с восторгом, задавала вопросы, интересующие не каждого взрослого, порой бабушка даже не знала, как ответить мне.

«Помню случай, – рассказала она, – который произошёл в послевоенные годы. В новогоднюю ночь с 31 декабря на первое января у одной девушки собралась компания. Её звали Зоя. Все молодые танцевали парами, а хозяйка осталась без жениха, – её парень по имени Николай не пришёл на вечеринку. Зоя сидела скучала, немного подвыпила вина и решила взять икону Николая Чудотворца, задумав с этим Святым, с тёзкой её друга, станцевать. Дело было в Самаре, раньше город назывался Куйбышев.

Товарищи отговаривали её от безбожной идеи, объясняя, что это большой грех, но она не обращала внимания на аргументы, дерзко заявив: «Если есть Бог, пусть меня остановит».

После этих слов она застыла, замерла на месте. Молодежь испугалась, некоторые стали трясти Зою, но она стояла холодная и неподвижная. От ужаса компания бросилась врассыпную из избы. Кто—то из ребят успел вызвать скорую. А когда приехавшая врач попыталась сделать Зое укол, иглы гнулись и ломались, будто их втыкали в камень. Медики хотели перенести девушку на кровать, но не смогли сдвинуть её с места, – она словно приросла к полу.

Шёл Рождественский пост, а пост – это время покаяния, но никак не веселья и развлечения. Мать Зои, несмотря на антицерковное время, была верующим человеком и усердно молилась за свою дочь. Икону из рук Зои никто не мог взять, – она застыла вместе с девушкой. Лишь позже батюшка, который служил молебен в том доме, смог вынуть святой образ из рук безбожницы.

Девушка стояла окаменевшей несколько месяцев, пока старец, чудом проникший в дом (может быть, это был и сам Николай Чудотворец), не простил её. Это произошло на Пасху, с того момента Зоя начала обмякать.

Дом круглосуточно охранял милиционер, внутрь никого не впускали. Не велено было рассказывать, что произошло. А зевак приходило к дому Зои много, всем эта история была интересна. Что стало с девушкой потом, – неизвестно. Происшествие держали в большом секрете, потому что в то время было гонение на Церковь. А этот случай напугал людей, отошедших от христианства, и они стали массово принимать крещение и исповедоваться. История долго была на слуху и передавалась из уст в уста». Вот о таких чудесах рассказывала мне бабушка.

Я часто играла одна. Двоюродная сестра, которая тоже жила с бабушкой, дедушкой и своей мамой, уходила гулять с подругами—одногодками, а меня оставляла дома, считая, что я маленькая. Поэтому практически всё время меня занимала бабушка своими рассказами о необычных историях.

Помню случай, когда однажды бабушка пришла из магазина, а дедушка спрашивает её: «Сима, а что тебя так долго не было, – ушла в магазин и словно провалилась». Бабушка отвечает: «Знаешь, какая очередь за колбасой была?! Привезли колбасу в магазин, и народу набежало, вот я и решила за колбасой постоять». «Да...! – задумчиво протянул дедушка, стоя спиной к нам, и, смотря в окно, добавил: «Вот, дочка! Наступят такие времена, нас уже, может, в живых не будет, а вы это всё увидите. Полки будут ломиться от еды, а есть будет нечего, всё будет отравлено! Жалко вас!». Я и спрашиваю: «Дедушка, да как такое может быть? Мы же все умрём тогда, если будет всё отравлено!». «Нет, не умрёте, – задумчиво отвечает дедушка, – но все болеть будут от мала до велика». Раньше я думала, что дед пугает меня, но сегодня становится ясно, что его слова были пророческими. Один вопрос не даёт мне покоя – откуда он знал об этом?

У бабушки с дедом был свой дом с шикарным плодовым садом. Дед Кузьма практиковал селекционирование, а бабушка любила заниматься садом—огородом, делая заготовки на зиму. Несмотря на богатства нашего сада, мы с сестрой любили заглянуть в соседский, за что получали от деда, – он был человеком строгих правил. С детства запомнил он уроки, которые давали детям богатых родителей, – а это были правила этикета, скромности, уважения. Тогда ребят наказывали за каждое ослушание.

Вот и дед нас воспитывал строго, только никогда не повышал голос, а лишь покажет свою «могучую ладонь», и мы сразу знаем, что это может значить. Дед не разрешал нам разговаривать во время еды, баловаться и качать ногами под столом. Если мы не слушались, он брал деревянную ложку и бил ею по лбу, либо брал вилку и подставлял её к «болтающимся» ногам. В такие моменты он не произносил ни единого слова, строгость же дед выражал жестами, так как за столом нельзя было разговаривать. Вот так интересно он умудрялся воспитывать, соблюдая при этом собственные правила.

Однажды бабушка позвала на обед меня с сестрой Ниной. Мы сели на лавку за деревянный большой стол. Я любила садиться в угол обеденного стола под икону Пресвятой Богоро-

дицы – она была в окладе под стеклом на крючочке, а внутри оклада образ Святой был украшен бумажными цветочками. Раньше часто именно так украшали образ Божией Матери.

Мы стали баловаться за столом, качать ногами, что категорически запрещалось во время трапезы. Мы не обратили внимания на замечание деда, после чего бабушка прикрикнула на меня: «Сейчас тебя Боженька накажет!». В этот момент цветок из оклада упал прямо на мою светловолосую голову. Я, ничего не подозревая и особо не обратив внимания на случившееся, подняла с пола цветок и отдала его бабушке. От изумления она чуть не выронила чугунок, который был в её руках. Даже дед Кузьма, будучи ярым атеистом, широко раскрыл глаза и открыл рот от удивления.

Трапеза закончилась, все вышли из—за стола, а бабушка Сима долго осматривала оклад в недоумении. Она никак не могла понять, каким же образом мог выпасть цветок из оклада? Ведь он был закрыт на крючок, а все цветы были внутри него. Дедушка после этого случая в душе сам начал почитать Пресвятую Богородицу, потихоньку произнося: «На всё промыслы Божьи», и, поглядывая в сторону образа Божьей Матери, подкашливая, что—то шептал. И обязательно крестился, если никто не видел. Прошло больше десяти лет, мне было уже 20 лет, а случай с бумажной розой я так и не забыла. Тогда я у бабушки спросила, как она сделала так, что цветок выпал из оклада, на что она мне ответила: «Сама не знаю, сама всегда хотела найти ответ, видимо, промыслы Божьи!». Не знаю почему, но такие вещи я всегда замечала за взрослыми.

Я очень любила беседовать с бабушкой Серафимой на необычные для ребёнка темы. Так, я спрашивала: как появились на Земле животные, люди? Меня интересовало, как на небе звёзды висят и не падают? Как и кто создал Луну, Солнце? На все эти вопросы, которые я задавала в свои шесть лет, даже бабушка не знала ответы, и лишь недоумевала: «И как в твою голову приходят такие мысли?».

Я подрастала, и все вокруг подмечали: «Как старуха – не по годам». Иногда к бабушке Серафиме заходили соседи и рассказывали о каких—либо событиях, личных проблемах, здоровье. Я же, играя в свои куколки, вслушивалась во взрослый разговор и в конце рассказывала, что произойдёт и чего ждать. На это бабушка, как правило, возмущалась: «А тебя не спрашивают, сиди и играй, мала ещё». Но проходило время, и то, что я говорила, – сбывалось. Откуда могла я знать, кто мог мне подсказывать? Что это? Видение? Интуиция? Ангел—хранитель? В начале семидесятых годов об этом особо не задумывались, да и говорить о таком было не принято.

Отрочество. Юность

Мы жили и воспитывались вместе с двоюродной сестрой Ниной. Часто бегали на берег Волги, – дом стоял в пяти минутах ходьбы от водоёма. Побережье было очень красивым: небольшие возвышенности сменялись равнинами, где росли всевозможные целебные травы. Бабушка учила нас, рассказывая, как во время войны люди ели эти травы и выжили при голоде. Мы бегали на берег реки купаться и собирать землянику, целебные травы, щавель и всё съедобное, чем были богаты волжские берега. А ещё любили смотреть, как шлюзуются катера и пароходы.

Скучным наше детство назвать нельзя. Вместе с соседскими детьми мы создали собственный детский театр. Ставили всякие сценки и спектакли, потом раздавали пригласительные билеты взрослым и показывали нашу актёрскую игру. Мы часто экспериментировали: закапывали гербарии – выкапывали в песке ямку, укладывали туда цветы, накрывали стеклом и сверху присыпали песком. Чтобы не потерять место, делали метки, и проверяли каждый день: раскопаем, посмотрим через стекло и снова засыпаем песком, – так мы наблюдали, что происходит с цветочками.

Зимой очень любили кататься на лыжах, на коньках, на санках с горки. Однажды, когда мне было шесть лет, мы с сестрой и другими детьми пошли на озеро кататься на коньках, а в то время фигурных коньков почти ни у кого не было, – они были большой редкостью из-за дороговизны. А те коньки, что были, представляли собой лезвия, которые надевали на валенки и прикручивали верёвочками на палочку, чтобы конёк держался на обуви. У меня одно лезвие свалилось, а другой конек потащил в сторону, где летом росли камыши, а зимой от них торчали лишь сухие стволы. На том месте образовалась небольшая полынья, я упала в неё и сломала руку, вся промокла. И так испугалась, что даже не заплакала, – боялась, что если разревусь, то меня больше не будут брать кататься на озеро. Когда мы с сестрой вернулись домой, рука стала болеть и опухать. Бабушка отвела меня в больницу и там стало понятно, что рука сломана. Врачи наложили гипс.

В 1965—1966 годах начали появляться телевизоры, но были они не в каждой семье, так как не все могли позволить себе купить столь дорогую технику. Если у близких или родственников появлялся телевизор, то большие праздники такие, как Новый Год, справляли у них за просмотром передачи «Голубой огонёк». Походы в гости, где есть телевизор, для всех были целым праздником, – в гости надевали всё самое лучшее.

Ещё одним праздником был поход в магазин за ёлочными игрушками. На Новый год продавали шары, гирлянды, шишки, бусы, – всё было очень красивое, особенно немецкого производства. Много игрушек мало кто позволял себе, потому что это был дорогой товар по тем временам. В среднем семья приобретала по два—три украшения на ёлку в год. И вот мы шли со взрослыми в магазин, нас заранее предупреждали: «Идём на ёлку покупать игрушки!». Радость была неопишуемая. Повесим обновки на ёлку и радуемся, любимся. Так мы готовились встречать Новый год!

Очень часто моя мама шила новогодние костюмы, – она хорошо рисовала, и фантазии у неё было предостаточно, да и сам процесс создания костюмов ей очень нравился. В маминых творениях мы ходили на ёлку в Дом культуры, и почти всегда нас награждали первыми местами и поощряли подарками – играми, куклами. В то время иметь такие игрушки было большой роскошью.

Летом дед Кузьма любил ловить рыбу на Волге. Некоторую он доставал сачком – то была глушёная рыба, которая проходила через плотину и прибывалась к берегу. Дома он сортировал улов, какую добычу пожарит, а какую – вялит на чердаке. Дед любил побаловать поистине вкусной вяленой воблой своих сыновей, когда они приезжали в гости к родителям.

Мне с Ниной дед запрещал брать без спроса вяленую рыбу, но нам очень хотелось, а особенно тогда, когда летом приезжал «Агитпункт», – так назывался передвижной амфитеатр. На улице устанавливали сцену, вокруг неё – скамейки, вешали белый экран, на который направляли проектор, так показывали кино. Людей собиралось очень много. Однажды мы с сестрой решили залезть на чердак, пока деда не было дома, и снять с верёвки несколько рыбин, чтобы взять с собой в кино. Я встала на караул рядом с лестницей, ведущей на чердак, и должна была предупредить Нину, которая на чердаке срывала с верёвки воблу. Но дед так внезапно вернулся, что я и опомниться не успела, как он уже стоял рядом и ждал, когда спустится сестра. Подать знак, чтобы предупредить её, я не смогла.

Нина спускалась по лестнице, а из—за пазухи у неё торчали рыбные хвосты. Дед, конечно, отвесил хороших подзатыльников обеим, гулять нас в тот день он не пустил, воблу отобрал и наказал сидеть дома. Этот случай я помню до сих пор. Несмотря на строгость деда, мы его очень любили, – он был очень справедливый.

Когда я пошла в школу в первый класс, мама забрала меня от своих родителей. Жили мы в одном городе, но в разных его частях, в квартире, которую нам выделил горисполком. К бабушке и дедушке я стала приезжать только на выходные. Мама много времени проводила на работе, и на заботу обо мне и внимание его уже не хватало. Я была предоставлена сама себе.

В школе мне сразу не понравилось отношение учителей к ученикам, я видела несправедливость: если родители школьника занимали высокую или престижную должность, то учителя относились к ним с привилегиями, завышали оценки, а если у ученика была средняя успеваемость и простая семья, то ему ставили три, даже если он отвечал на четыре. Такой подход отбивал желание учить предмет лучше, потому что заведомо знаешь – в дневнике будет стоять тройка, и так из года в год. Средним простым ученикам не уделяли должного внимания. Даже сейчас, по прошествии сорока лет, такая модель поведения учителей – нормальное явление в школах.

Я была ранимой, забитой и очень скромной девочкой. Если вызывали к доске, зная урок, я всё равно боялась отвечать. Что было у меня в голове? Какая душевная рана не давала покоя? Никто не хотел в этом разобраться, никто не старался поговорить со мной и узнать причину.

Однажды уроки закончились, за детьми пришли родители, чтобы забрать их, и я заметила, как папа обнимает свою любимую дочку и ласково говорит ей что—то. У меня в груди всё сжалось от обиды, ведь отцовской ласки, любви и заботы у меня не было. Я взяла портфель и пошла домой, по дороге обдумывая увиденное. Картина стояла перед глазами до самого дома, а я говорила себе: «Вот вырасту и буду лечить людей от рака», – сама не понимая, что это за болезнь, и как её лечить! Может, она всплыла в памяти вместе с отцом, которого уже нет...

Недалеко от того дома, где жили мы с мамой, было озеро, – туда бегала детвора купаться. Взрослые же говорили, что на озере купаться опасно, так как люди в этом водоёме часто тонут. Но то, что в озере есть воронки, которые остались со времён войны от снарядов, никто не знал. Так вот они—то и засасывали купающихся. Находились они сбоку от входа в озеро под зарослями камышей. Кто попадал в трясины, уже не мог самостоятельно выбраться.

Однажды летом мы с подругами из соседнего дома пошли купаться на озеро, и я угодила прямо в воронку, стала тонуть и звать на помощь. Меня тянуло ко дну, я успела лишь пару раз вытащить руку из воды и крикнуть «помогите!». Все ребята, кто был на берегу, подумали, что я шучу, поскольку знали, что я хорошо плаваю, ведь однажды мы с подругой Волгу переплыли.

Людмила, моя подруга, заподозрила неладное, когда я не вынырнула в очередной раз. Меня, к тому моменту обессилевшую, тянуло ко дну, ноги свело – вода была очень холодная. Людмила бросилась на помощь. Она нащупала мои волосы и вытянула безжизненное тело на сушу.

Дети кинулись откачивать меня, а когда я пришла в себя, на всех лицах читалась радость вперемешку с шоком. Мы все дружно побрели домой, всю дорогу до дома молчали, перепуганные до смерти произошедшим. Я очень боялась, что об этом узнает мама, тогда она сильно

расстроится и больше не пустит на озеро. Поэтому я попросила никому не рассказывать о случившемся, хоть до конца ещё не осознала, что произошло. Если бы не подруга, которая бросилась спасать меня, я могла бы утонуть.

Эта история надолго осталась в памяти. Видимо, не должна была я утонуть в тот день. А подругу я до сих пор вспоминаю добрым словом. Только сейчас я понимаю, что представляет собой воронка на дне водоёма. Внутри неё скапливается ледяная вода, моментально сводящая ноги. И водоворот начинает затягивать на дно, закручивая в вихре. Выбраться без чьей—либо помощи зачастую просто невозможно. Вот такие ощущения я испытала в тот счастливый день.

Когда мне исполнилось восемь лет, в моей жизни снова произошли душевные перемены. Мама встретила спутника жизни и вышла замуж. Она хотела, чтобы её муж принимал участие в моём воспитании, но меня такое развитие событий совершенно не устраивало. Малейшее непослушание для мамы было поводом, чтобы сказать супругу: «Иди накажи её, дай ей ремня. Что, ты не можешь её ударить ремнём?». Меня наказывали за всё: не вынесла мусор, не выучила уроки, не постирала, задержалась в школе, – таких моментов было много, и все они были поводом для наказания.

Обидно было не то, что меня наказывают за проступок, а то, что родная мать даёт указания какому—то мужчине проучить своего ребёнка. Он был незлой человек, и мужского стержня в нём не было. Мамин супруг вёл себя по принципу «Что сказала женщина, то он выполнил». И совершенно не желая делать так, как велели, он всё равно исполнял поручение, потому что знал, что в противном случае получит от жены оскорбления в свой адрес.

В третьем классе я прочла одну историю про мальчика, который учился в школе—интернате. В своём рассказе он описывал, как дружны там дети, как они живут большой весёлой семьёй, как они трудятся на полях, собирая урожай, как их приучают к трудолюбию, уважению друг к другу. Я рассказала об этом маме и попросила отдать меня в такую школу.

Так с четвёртого класса я уже училась в школе—интернате, где мне действительно нравилось. Я обзавелась друзьями, такими же, как я сама, из неполных семей: у некоторых были глухонемые родители, некоторые приехали из больших семей или вообще не имели ни папы, ни мамы.

Школа—интернат находилась в восьмидесяти километрах от дома, и я каждый выходной в пятницу приезжала домой одна с тремя пересадками. Ехала полчаса на автобусе, затем на электричке и на другом автобусе до дома, иногда шла пешком минут 30 от станции. В воскресенье я возвращалась обратно в школу. На выходные почти все дети разъезжались по домам, а в понедельник опять съезжались и рассказывали, кто и как провёл досуг.

Воспитатели были для нас вторыми родителями, они находили индивидуальный подход к каждому ребёнку для того, чтобы все мы не испытывали нехватку внимания и стали настоящими людьми. Воспитатели были очень внимательны к нам и добры, они понимали и жалели каждого из нас, дарили своё внимание и тепло, заменяя мам. Нас много чему учили: мыть, убирать, стирать, ухаживать за животными, сажать цветы. Мы ездили на поля собирать урожай, делая всё это дружно, с энтузиазмом. Все задания были нам в радость, поэтому каждый получал удовольствие. После седьмого класса я снова вернулась в свою среднюю школу и закончила её.

По окончании школы я мечтала посвятить себя творчеству, очень мне нравилось искусство кино. И поскольку я считала себя больше творческой личностью, чем технарём, стала готовиться к поступлению в театральное училище. Однако экзамены я провалила, видимо, не судьба мне быть артисткой. Да и особо не на что было надеяться – в те времена в театральные заведения поступали дети, внуки, родственники актёров или очень талантливые ребята.

Возвращаться домой мне не хотелось. Поэтому я решила поступить в медицинское училище. Экзамены дались очень легко, и я была зачислена в Московское медицинское училище на фельдшерско—лаборантское отделение, – тогда оно считалось самым престижным отделе-

нием, куда было довольно трудно попасть. Вот так сама жизнь направила меня в другую сторону.

Учиться в медицинском мне нравилось. Учёба шла легко, за исключением химии, так как этот предмет требовал особых знаний. А в меде один из главных предметов, – это химия. Этот предмет подразделялся на несколько направлений: общая, аналитическая, органическая. Да и уровень знаний здесь был в разы выше и сложнее, чем то, что давала школьная программа.

На помощь родителей я не рассчитывала, поэтому мы с подругой—однокурсницей устроились на работу, чтобы платить за съёмную комнату. Общежития для студентов при училище не было – приходилось снимать частное жильё, чтобы содержать себя и помогать маме, у которой на тот момент родилась дочь от второго брака. А у меня появилась сводная сестра по матери.

С подругой мы устроились на кафедру ЛОР—болезней к профессору Ю. М. Волкову в больницу №50 в Москве. Это учреждение находилось рядом с медучилищем, при первом Московском медицинском институте. Коллектив на кафедре был замечательный, – врачи высшей квалификации, обходительные, внимательные. Это были те люди, которые, не жалея собственного времени, всегда расскажут и помогут, кто бы их ни попросил. Зарплата была небольшая, но платить за съёмную комнату, которую мы снимали с Леной, и на скромное питание хватало. Каждую неделю я ездила в Московскую область к родным. И всегда покупала гостинцы своей маленькой сестре, – на это приходилось отдельно откладывать.

Наша съёмная комната была всего метров 14. Это малосемейка – небольшой уголок, где так называемая кухня располагалась сразу в коридоре у входной двери, там стояла плита и небольшой стол с раковиной. Сразу напротив кухни был маленький туалет с душевой. В комнате стоял холодильник, две кровати: на одной спала хозяйка, а на другой – мы. Круглый стол посередине комнаты дополнял интерьер маленького и уютного пространства.

Хозяйка квартиры была удивительной женщиной – мудрой заботливой еврейкой старой закалки. Ронни Исаевна знала, что мы студентки, и что денег у нас мало, едва хватает заплатить за комнату и скромно поесть. Поэтому женщина проверяла нас на честность и порядочность. Она ничего не говорила, не воспитывала, не читала морали, но совершала поступки, о которых мы даже не подозревали. И эти «проверки» позволяли ей судить о нас, о тех людях, с кем она разделяла жилище. Бывало, она бросит мелочь под стол на пол, копеек двадцать (а тогда это были деньги, на них можно было купить хлеб и ещё что—нибудь), а мы поднимем и положим на стол. Другой раз Ронни Исаевна купит фрукты, конфеты и положит красиво в вазочку, поставит угощение на стол. Нам очень хотелось взять, но не брали, пока сама хозяйка не предложит.

Несмотря на восьмидесяти двух летний возраст, Ронни Исаевна была очень энергичной женщиной. С утра она обязательно делала зарядку, обливалась холодной водой. Она любила походы по магазинам, посещала театры. В целом вела правильный образ жизни.

В то время мне очень нравилось искусство кинематографии, поэтому в свободное время я принимала участие в съёмках в массовках. Я любила смотреть, как создаётся фильм, наблюдать за игрой актёров, иногда удавалось пообщаться и познакомиться с известными артистами. Такими моментами я с восторгом делилась с друзьями, рассказывая, что, несмотря на свою популярность и звёздность, в жизни актёры очень простые, общительные и доброжелательные люди. Кроме этого, мне хватало времени посещать курсы английского языка. Не пропускали мы премьеры фильмов, ходили в театры. В целом счастливые студенческие годы проходили весело и плодотворно – времени на всё хватало.

Однажды мы вернулись домой из училища, а ключей от квартиры с собой не оказалось. Стоим под дверью и ждём хозяйку, навстречу идёт соседка: «Девчонки, чего стоите? Заходите, попьем чайку и дождёмся Ронни Исаевну». За чашечкой чая Алиса Михайловна рассказала, как Ронни проверяет нас и хвалит, называя очень хорошими и честными девочками. «Положит

фрукты, – рассказывает Алиса Михайловна, – посчитает их количество, потом проверяет – брали или нет. Или мелочь бросит на пол, а вы поднимите и на стол положите». В тот момент нас крайне удивили рассказы о хозяйке, её поступки. Но в то же время этот урок оказался хорошей школой и запомнился на всю жизнь. Я всегда с гордостью вспоминаю о мудрой Ронни Исаевне.

Я успешно закончила медицинское училище, сдав государственные экзамены, поэтому профессор Ю. М. Волков посоветовал продолжить обучение в Московском медицинском институте. Наверное, он увидел потенциал во мне, предположив, что я могу стать хорошим врачом. Профессор предложил мне подготовиться ко вступительным экзаменам, и я подхватила его идею с радостью. «Если поступлю в институт и стану студенткой медицинского вуза, стану хорошим врачом», – так думала я в тот момент.

Закончив с отличием медучилище, я успешно сдала экзамены, став студенткой вуза. Но здесь меня ждали большие трудности: москвичам и жителям ближнего Подмосковья общежитие не полагалось. Мне приходилось вставать в пять утра, чтобы успеть на первую электричку и не опоздать на лекции, а возвращалась домой я далеко за полночь. Дорога отнимала по семь часов каждый день. На учёбу не хватало ни сил, ни времени.

Можно было бы снять жильё, но мама платить за него не могла. Ездить на учёбу из Московской области было очень трудно, а учиться и работать не получалось, поскольку подходить к профильным знаниям нужно очень серьёзно: много читать и изучать. Ведь медицина – наука сложная, одна анатомия чего стоит. Кроме неё нужно было знать все процессы, которые взаимодействуют в организме человека, а также латынь, химию и ещё много чего. На всё это времени не было, поэтому после первой сессии пришлось оставить институт, взять академический и пойти работать.

Я планировала заработать денег, снять жильё и восстановиться в институте. После окончания училища я, как и сокурсники, получила распределение в четвёртое Главное управление здравоохранения, – это очень престижная больница. Но всё же решила вернуться в Подмосковье и устроиться в городскую поликлинику фельдшером—лаборантом в клиническую лабораторию.

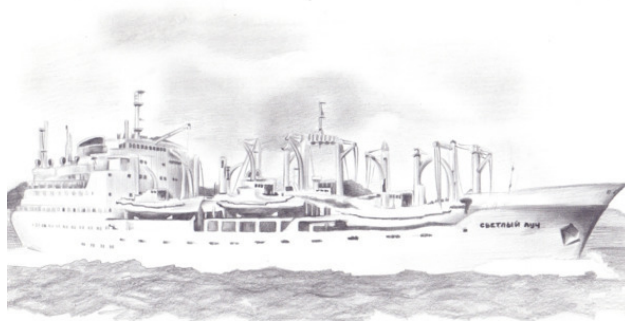
Работа в море

Однажды ко мне в клиническую лабораторию при поликлинике пришла подруга Вера. Она попросила помочь ей быстро пройти диспансеризацию, так как готовилась к отъезду в командировку. Я помогла ей, после чего не встречала подругу несколько месяцев. Где—то через полгода Вера вновь пришла и рассказала о том, что она работает в городе Владивостоке в компании «Дальморепродукт», – выходит в море на рыболовецком судне и зарабатывает хорошие деньги.

Я заинтересовалась и стала расспрашивать, как туда попасть. Вера объяснила, что это организационный набор молодёжи. Я же загорелась идеей и попросила подругу помочь мне уехать на заработки. Вера пообещала всё узнать.

Через месяц я готовилась к отъезду во Владивосток. Моей целью было заработать достаточное количество денег, чтобы продолжить учёбу. Мама не хотела отпускать меня, всячески отговаривала, но ждать помощи от родителей было бессмысленно, рассчитывать нужно было только на себя. Если не я проложу себе дорогу в будущее, то кто это сделает? Вот только собравшись в море, я даже не представляла, с какими трудностями мне придётся столкнуться...

По прибытии во Владивосток всех нас, молодых девушек, расформировывали на рыболовецкие суда по несколько человек. Нам предстояло трудиться на огромных плавбазах – это целые заводы, где ловят рыбу, там же улов разделяют и изготавливают консервы. Условия труда были просто невыносимыми – это был адски тяжёлый труд. Тогда мне было неполных 20 лет.

Со мной на судно отправили ещё нескольких девчонок Волгограда, Саратова и других городов. У них всех тоже были свои жизненные задачи, им тоже нужны были деньги. На судне работало двести человек, в основном, все были женщины. Мужчины занимали технические и обслуживающие должности: капитан, старпом, электрики, механики, повара, матросы, боцман, машинисты, – всего от силы человек пятьдесят.

Только что прибывших девушек, и меня в их числе, ожидал не очень тёплый приём со стороны годами работающих на этом судне женщин. Они считались здесь старожилками и охраняли свои границы. Дело в том, что на судне было мало мужчин, и в женском коллективе царил дикая ревность. Особенно остро на себе это ощущали молодые обаятельные девчонки. Неприязнь проявлялась и на работе в цеху, где разделяли рыбу, и вне работы.

Трудиться приходилось по двенадцать часов, стоя на ногах и полоскаясь в холодной воде во время разделки рыбы. На рабочих были надеты резиновые сапоги и длинные клеёнчатые фартуки почти до пола. В руках были ножи с очень острым лезвием по двадцать пять сантимет-

ров, чтобы можно было одним взмахом руки отрезать рыбе голову и тут же вспороть брюхо – вычистить требуху. А рыба шла огромная: горбуша, кета, чавыча, скумбрия, – каждый хвост от трёх до семи килограммов.

Одна рабочая должна была переработать за сутки минимум тонну. Чем больше рыбы обработано, тем выше будет заработок. Поначалу новенькие падали от адского труда, но потом привыкали и выполняли по две нормы, порой времени хватало даже на то, чтобы ходить друг к другу в каюты пообщаться и получить позитив. Работать в море поистине тяжёло – то качка, то шторм. Но я не унывала, потому что знала, зачем ехала в такие условия. Я знала, что всё это ненадолго, и что как только вернусь, закончу институт.

Рыболовецкое судно чаще всего добывало рыбу у берегов Курильских островов, Сахалина, Камчатки и Японии. Это живописные места с потрясающими сопками и горами, со своей уникальной природой и особым климатом, и совершенно другим воздухом. Иной раз встанешь у борта и любишься этой красотой, наполняясь вдохновением и невероятным ощущением чистоты и свежести.

На судне работал магазин, где торговля велась по своим правилам. Дело в том, что в восьмидесятых годах всё было в дефиците – найти одежду или косметику было трудно. Но в этом магазине можно было купить соки, печенье, сахар, разные консервы, сгущёнку, часто в лавку завозили японские товары, – это бывало, когда рыбачили у японских берегов. Тогда в магазине появлялись сервизы, покрывала, пледы и многие другие красивые качественные вещи, которые считались дефицитным товаром в России.

Деньги рабочим не выдавали, но если нужно было что–то в магазине, там записывали на счёт сотрудника и затем вычитали из его зарплаты. Заработанные деньги получали по возвращении во Владивосток, в кассе управления «Дальморепродукта».

Мы всегда дивились чистоте японских берегов. Когда база стояла у побережья Японии, где, в основном добывали скумбрию, все рыбаки любовались ухоженностью береговой линии. Всё было настолько чисто, аккуратно, даже японские суда выглядели как игрушечные – чистые, белые, ни пятнышка ржавчины. Конечно, на их фоне советские суда сильно проигрывали.

Японцы очень часто посещали российские рыболовецкие суда со своим визитом, – это была береговая охрана. Они привозили жвачки, календари, ручки. Им очень нравились наши судовой хлеб, сгущённое молоко, тушёнка и другие продукты, поэтому между сторонами происходил бартер.

В море тоже были прелести жизни. Спустя полгода пребывания на судне все очень сдружились и стали одной семьёй. Среди мужчин ко мне большой интерес начал проявлять старший помощник капитана, на судне его называли старпом. Звали старпома Владимир, ему было двадцать девять лет, он был очень интересным, весёлым и красивым человеком. Его тёмно–русые кудри спускались на лоб. Это был смуглолицый мужчина с крупными выразительными серо–зелёными глазами, небольшим прямым красивым носом. Его тонкие усы соединялись с чёрной бородкой, которая всегда была подстрижена коротко и аккуратно. Его улыбка покорила всех женщин на судне. Он был настолько обаятелен, что не понравиться просто не мог.

Владимир всегда был весёлым, уважал юмор, рассказывал интересные, смешные истории и анекдоты, которые у него находились всегда к месту. Между тем он был вежлив и внимателен ко всем. Кто бы его о чём ни попросил, – он старался помочь всем. Володя очень хорошо разбирался в электрике и электронике, и с этими вопросами к нему обращались довольно часто.

Старпом нравился многим девушкам, многие хотели завоевать его сердце, но он не обращал особого внимания на женщин. Однажды, помню, был сильный шторм на море, до десяти баллов. По спикеру передали команду задрать все иллюминаторы. При таком шторме судно кидает из стороны в сторону, волны накрывают нос корабля, а люди ходят, держась за поручни, и подавляя признаки укачивания. Я же решила подняться на капитанский мостик, чтобы оттуда смотреть на гребни волны с высоты, – это было самое высокое и очень красивое панорамное

место на судне. Володя, увидев меня, – а я в тот момент стояла любовалась разбушевавшимся штормом, – взял меня за руку и потянул внутрь. Он отругал, сказав, что это опасно. Но мне в тот момент было совсем не страшно, а наоборот интересно, как в природе рождаются такие огромные волны.

Владимир отвёл меня в безопасное место и стал рассказывать о всяких явлениях природы. В его арсенале были разные истории, которые ему приходилось видеть в море. А в море он стал ходить с того момента, как попал на службу в армию матросом, потом он закончил мореходное училище, затем работал на китобойце. Наш разговор затянулся, и мы не заметили, как пролетело несколько часов.

С тех пор его ухаживания стали явными, а наша симпатия друг к другу переросла в более тёплые и близкие отношения. Он был настолько позитивным, что проводить с ним время было одним удовольствием. Я ценила и принимала его заботу. С ним я чувствовала себя защищённой, ведь на судне было много «старших»? кому было и за 30, и за 40 лет. Эти женщины ревностно относились к молодым девушкам и старались всячески поддеть, как в армии. Поэтому я охотно принимала опеку и покровительство своего нового друга.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.